

Глава 2

Подобные сцены в книгах обычно называют «полем битвы».

Однако Лу Имань был Лу Иманем, а не «тем самым» Лу Иманем из романа.

Поэтому, в то время как Юй Цан источал угрозу, а Юй Цзымин дрожал от страха, он ощущал лишь лёгкую, похмельную расслабленность.

Он снял руку юноши со своего плеча и, достав изо рта сигарету, отстранился, заставив Юй Цзымина окончательно его отпустить.

— Лу Имань.

Голос, назвавший его имя, был низким и хриловатым, словно им редко пользовались. Каждое слово он произносил с заметным усилием, отчётливо и веско.

Он поднял голову, и верхняя часть его лица, озарённая светом, казалась ослепительно бледной.

— Похоже, мне не нужно представляться, господин Юй, — его голос звучал мягко и культурно, создавая разительный контраст.

Однако пара пронзительных, хищных глаз, словно у ястреба, не отпускала его. Юй Цан мрачно процедил:

— А ты хорош.

От него исходила почти осязаемая, первобытная угроза.

Лу Имань приподнял веки, и в его янтарных глазах мелькнул огонёк.

— Вы тоже, господин Юй, весьма неплохи.

Взгляд Юй Цана потемнел, наполнившись леденящим холодом, от которого становилось трудно дышать.

Юй Цзымин тут же шагнул вперёд, вставая между ними. Его голос от волнения стал резким и пронзительным:

— Юй Цан, чего ты добиваешься? Мы живём в правовом государстве!

Юй Цан замер и опустил взгляд на юношу.

Возможно, присутствие Лу Иманя придало Юй Цзымину смелости. Он побледнел, но решительно заговорил:

— Юй Цан, отпусти меня, прошу! Мы не можем быть вместе! Ты же видишь, я так больше не могу, я с ума сойду!

При звуке этих умоляющих нот зрачки Юй Цана сузились. Он тотчас же плотно сжал губы, кадык застыл на месте.

Но он не отводил взгляда, и в ледяной, гнетущей тишине раздалось:

— Цзымин, домой.

— Да когда ты уже отпустишь меня?! — в отчаянии выкрикнул Юй Цзымин. — Ты не разрешаешь мне встречаться с незнакомцами, запрещаешь любые прикосновения, даже простое общение выводит тебя из себя! Чего ты добиваешься?! Хочешь, чтобы я окончательно сошёл с ума?!

Лу Имань видел, как напряглось тело Юй Цана, как на шее и висках вздулись вены. Его суровое лицо в ночном полумраке исказилось от ярости.

Не говоря ни слова, он тяжело дыша схватил Юй Цзымина за руку и с силой потащил к машине.

— Отпусти! Я не вернусь! Мы расстались! — отчаянно закричал Юй Цзымин, пытаясь вырваться.

Последние слова пронзили даже гул машин на дороге.

Юй Цан резко обернулся. Его тёмные глаза в тени казались бездонными.

— Нет.

Два холодных слова окончательно лишили Юй Цзымина надежды.

Он продолжал сопротивляться, со слезами на глазах оглядываясь на Лу Иманя.

Раздался тихий вздох.

Лу Имань, успевший подобрать зажигалку и закурить, уже выкурил половину сигареты.

Он выпустил облако дыма и мягко перехватил руку Юй Цана.

— Господин Юй, может, для начала вы его отпустите? Так и до травмы недалеко.

Юй Цан смерил его тяжёлым взглядом, но, услышав всхлипы Юй Цзымина, всё же разжал пальцы.

На запястье юноши алел отчётливый след.

Брови Юй Цана дрогнули. Он растерянно поджал губы и опустил голову, кончики его пальцев едва заметно шевельнулись.

— Старший брат Имань, — Юй Цзымин осторожно придвинулся к нему.

Это движение заставило Юй Цана мгновенно напрячься. Его холодный взгляд впился в Лу Иманя.

Сделав последнюю затяжку, тот потушил сигарету кончиками пальцев, но не выбросил, а так и оставил её между ними.

— Господин Юй, Цзымин — мой младший товарищ по учёбе, поэтому я крайне неловко себя чувствую, вмешиваясь в ваши отношения. Но, возможно, вам обоим стоит немного остыть.

Лу Имань говорил осторожно, не желая сжигать мосты.

Всё-таки перед ним был главный герой.

Юй Цан холодно посмотрел на него и скривил губы в усмешке.

— ...

Лу Имань прикрыл рот кулаком, кашлянул и продолжил увещевать:

— Уже поздно, и стоять здесь бессмысленно. Раз Цзымин не хочет ехать с вами, может, позвольте ему переночевать в другом месте?

Встретившись с тёмным взглядом Юй Цана, он каким-то шестым чувством понял его невысказанную мысль и, помедлив, добавил:

— Я не собираюсь вставать между вами.

К сожалению, ему не поверили.

В следующую секунду воротник его рубашки был с силой сжат. Лицо Юй Цана оказалось в нескольких сантиметрах от его собственного. Дыхание мужчины было горячим, но голос — ледяным.

— Болтливый.

Под испуганный вскрик Юй Цзымина Лу Имань почувствовал резкую боль в шее, в глазах потемнело, и он рухнул без чувств.

Отлично. Теперь клеймо «разлучника» обеспечено.

Пэн Додо, изрядно выпив, вышел из бара, чтобы вызвать водителя, и увидел, как на противоположной стороне улицы в чёрный автомобиль торопливо втаскивают кого-то с парой длинных, стройных ног.

Дверь захлопнулась, стекло поднялось, и машина, оставив за собой шлейф выхлопных газов, сорвалась с места.

Он задумчиво проводил её взглядом и потёр подбородок.

Хм, а тачка-то крутая.

Надо будет попросить отца купить ему такую же!

Лу Имань очнулся в машине от ноющей боли в затылке и нахмурился.

Он лежал один на заднем сиденье. Юй Цзымин спал в кресле переднего пассажира, но ему повезло больше — под шею ему заботливо подложили мягкую подушку.

С трудом сев, Лу Имань вздохнул. В книге не упоминалось, что у главного героя есть такой талант — вырубать людей одним ударом.

Он выглянул в окно. Тусклые, безжизненные улицы, широкое пустынное шоссе. В ночной тишине слышался шум прибоа.

Неужели его собираются скормить рыбам?

Странное чувство охватило его. Он искоса бросил взгляд на водительское сиденье, где сидел Юй Цан, и тут же встретился в зеркале заднего вида с парой холодных глаз.

Затем последовала ледяная усмешка.

Он на мгновение замер, а потом ему стало смешно.

— Господин Юй, что вы задумали? Цзымин действительно просто мой младший товарищ.

Чистая правда.

Тем более, это была «настоящая любовь» того, «прошлого» Лу Иманя. Какое отношение это имело к нему?

Юй Цан молчал, лишь его пальцы с костяшками, обтянутыми кожей, крепче сжали руль. Пейзаж за окном стремительно проносился мимо.

Руки Лу Иманя были связаны галстуком. Он оперся о спинку водительского сиденья и, склонив голову, мягким, вкрадчивым голосом начал своё искреннее объяснение, надеясь воззвать к остаткам здравого смысла похитителя.

— Господин Юй, поверьте, мои чувства к Цзымину и близко не стоят с вашими. Пройдёт время, и ваша искренность непременно растопит его сердце. Я всего лишь случайный прохожий, не стоящий вашего внимания.

Он говорил неторопливо, размеренно, каждое его слово было пропитано искренностью.

Бесконечный поток слов, похожий на монотонное чтение сутр, начал действовать Юй Цану на нервы. Тёплое дыхание щекотало ухо. Он нахмурился и через зеркало бросил на Лу Иманя тяжёлый взгляд.

Окно машины резко опустилось. Поток ледяного ветра ударил Лу Иманю в лицо, растрепав его тщательно уложенные волосы.

Даже тонкая косичка взметнулась вверх.

После короткого замешательства он лишь рассмеялся, позволяя растрёпанным прядям закрыть глаза.

— Господин Юй, к чему такой гнев?

Мягкий голос снова проник в сознание Юй Цана.

Тот не только не злился, но и улыбался, а в его миндалевидных глазах светилась всепрощающая доброта, словно это Юй Цан вёл себя неразумно.

В груди Юй Цана поднялась волна глухого раздражения. Он с силой нажал на газ, и машина с опасной скоростью понеслась сквозь ночную тьму.

А Лу Имань всё тем же неторопливым тоном продолжал его вразумлять.

— Господин Юй, хоть здесь и нет дорожной полиции, но камеры могут быть повсюду.

— Господин Юй, вы превысили безопасную скорость.

— Господин Юй, ваш стиль вождения очень опасен. Если что-то случится, вы подвергнете риску и свою жизнь.

— Господин Юй...

— Господин Юй...

От этого бесконечного бормотания брови Юй Цана сходились всё ближе к переносице.

— Заткнись!

Его раздражённый выкрик заставил замолчать не только Лу Иманя. Он и сам тут же сжал губы, на его лице отразилось досада.

Лу Имань едва заметно улыбнулся, не теряя своего элегантного и утончённого вида. Растрёпанные волосы ничуть не портили его красоты.

— Хорошо, господин Юй. Видимо, я вам мешаю.

Даже Юй Цан невольно подумал, что у этого человека ангельское терпение.

Он поднял глаза и, встретившись взглядом с отражением в зеркале, раздражённо нахмурился, ещё сильнее сжав губы.

Чего он улыбается?!

Оставшуюся часть пути Лу Имань действительно молчал. Он попытался развязать галстук зубами, но стоило ему пошевелиться, как в зеркале тут же появлялся острый, как лезвие, взгляд Юй Цана.

Он не стал бороться или пытаться выхватить руль — умирать в автокатастрофе, так и не добравшись до моря, чтобы стать кормом для рыб, в его планы не входило.

Поэтому он спокойно сидел на заднем сиденье и смотрел на ночной пейзаж за окном.

Чем ближе они подъезжали к морю, тем сильнее становился ветер, окончательно растрепав его волосы. Холодный лунный свет очерчивал его изящные брови, уголки глаз и высокий, прямой нос.

Он был спокоен и прекрасен, как картина, и эта пронзительная красота, подчёркнутая лунным светом, целиком умещалась в узкой рамке зеркала заднего вида.

Юй Цан искоса взглянул на него, и его смятенное сердце постепенно обрело покой.

Машина въехала на пустынную дорогу у самого побережья и резко затормозила. Лу Имань по инерции подался вперёд и увидел, как Юй Цан осторожно поправляет подушку под головой Юй Цзымина.

Возможно, в его взгляде редко можно было увидеть нежность, но та сосредоточенность, с которой он это делал, могла бы заменить самые пылкие признания.

Убедившись, что Юй Цзымин в порядке, он перевёл свой ледяной взгляд на Лу Иманя. Тот

оторвался от созерцания и вежливо улыбнулся.

Увидев его улыбку, Юй Цан нахмурился.

Дверь открылась. Лу Имань, уже готовый к погружению в морскую пучину, позволил вытащить себя из машины.

Его руки всё ещё были связаны. Воротник рубашки Юй Цана был расстёгнут, обнажая шею, а без галстука его резкая линия подбородка выглядела ещё более хищной и дикой.

— Господин Юй, это как-то нехорошо.

Он сидел на песке и со смешанным чувством наблюдал, как Юй Цан с невероятной серьёзностью закапывает его ноги.

Это оказалось непростой задачей — ноги у него были длинные.

Но Юй Цан трудился с усердием и даже, можно сказать, с торжественностью. То, что сначала казалось смешным, под его строгим взглядом превратилось в важное и ответственное дело.

Вид хмурого, сурового мужчины, с полной серьёзностью занимающегося тем, чем обычно балуются трёхлетние дети, был донельзя абсурдным, но Лу Имань наблюдал за ним с неподдельным интересом.

Наконец, когда песок дошёл до его бёдер, Юй Цан остановился и посмотрел на него. В лунном свете его глаза казались ещё темнее.

Внезапно его руки, покрытые песком, с силой толкнули Лу Иманя в грудь. Тот ошеломлённо откинулся на спину и проводил взглядом удаляющуюся фигуру, которая, бросив на него последнюю холодную усмешку, гордо зашагала прочь.

Он остался лежать на берегу, омываемом волнами, ошеломлённый этим детским актом мести.

Спустя мгновение он рассмеялся, лёжа на песке.

<http://bllate.org/book/13686/1212552>